

к брату своему Мстиславу и просит передать ему, чтобы он ничего не давал после его смерти „сыновцу“ — Юрию. Свою просьбу Владимир Василькович подкрепляет выразительным жестом: он взял из своей постели пук соломы и сказал: „Хотя бых ти, рди, брат мой, тот вехоть соломы дал, того не давай по моемь животе никому же“.¹

Иногда мысль о бренности всего земного служит летописцу поводом, чтобы описать какое-нибудь из ряда вон выходящее, но не очень „официальное“ событие. Так, например, летописец приводит шутку над бесплодными устремлениями Мстислава Ярославича овладеть Галичем. Некто Илья Щепанович привел Мстислава Ярославича Немого на Галичину могилу и сказал ему: „Княже! уже еси на Галичины могиле поседел, тако и в Галиче княжил еси“.² Приводит летописец и рассказ о тщетности попыток боярина сесть на княжеский стол.³ Он подчеркивает случайность гибели Холма от пожара, вызванного неосторожностью некоей бабы.⁴ Рассказывает летописец и множество других случайностей, решавших судьбу князей: то князь пошутил и своей шуткой раскрыл заговор,⁵ то князь не был узан под чужим шлемом,⁶ то жизнь князя висела на волоске и была случайно спасена.⁷ Описывает летописец и построение города, вызванное гаданием князя по Библии.⁸ Самые унижения Даниила Галицкого в Орде служат как бы обоснованием для своеобразного исторического скептицизма летописца: „О злая честь татарская! Его же отець бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все, сын того не прия чести, то иный кто может прияти? Злобе бо их и льсти несть конца“.⁹

Несомненно, что, описывая все эти „случаи“, летописец нарушал собственную систему изложений, усиливая ими в своем повествовании черты реальности, иногда быта, и это в известной мере отражалось на изображении им действующих лиц.

* * *

Нарушался литературный стереотип изображения людей и под влиянием народного творчества.

Нет сомнений в том, что многое в характеристиках действующих лиц летописи шло от народного творчества, однако точно установить, что именно в летописных способах обрисовки людей следует отнести за счет воздействия народного творчества, нелегко, так как мы не знаем самого народного творчества XII—XIII веков. Народное творчество развивается, как и литература, меняются принципы художественного обобщения, и в XII—XIII веках они, возможно, резко отличались от современных.

Современный нам эпос XIX—XX веков представляет совершенно новый этап развития сравнительно с фольклором эпохи развитого феодализма. Главные русские богатыри обрисованы в современном эпосе не только с точки зрения их поведения, но и психологически. Поведе-

¹ Ипатьевская летопись, под 1288 г., стр. 600.

² Там же, под 1206 г., стр. 484.

³ Там же, под 1211 г., стр. 489.

⁴ Там же, под 1259 г., стр. 557.

⁵ Там же, под 1230 г., стр. 508.

⁶ Там же, под 1229 г., стр. 505.

⁷ Там же, под 1149 г., стр. 272.

⁸ Там же, под 1276 г., стр. 578.

⁹ Там же, под 1250 г., стр. 536.